

вопроса об основных условиях и гарантиях политической свободы. В нем дана в буржуазном аспекте классификация государств трех типов: монархического, деспотического и республиканского. Пригодность и жизнеспособность каждого типа государства, по мнению Монтескье, обусловлены прочностью принципов: в монархии — чувства чести; в деспотии — чувства страха; в республике — чувства любви к отечеству.

Лучшей гарантией политической свободы Монтескье считал разделение и уравновешение властей: законодательной, исполнительной и судебной. Он утверждал, что подобное разделение явится не только гарантией полного осуществления политической свободы, но и решающим условием успешного устранения всевозможных государственных злоупотреблений.

В «Духе законов» Монтескье был не чужд идеи компромисса с феодально-абсолютистским порядком; он признавал вполне правомерной конституционно-монархическую форму правления и оправдывал эту точку зрения исторической незрелостью французской нации. Французы, по его словам, были якобы более подготовлены к установлению конституционной монархии, чем к республиканской форме правления.

Сочинения Руссо изобилуют не только возражениями против тех или иных принципов, сформулированных его теоретическими предшественниками и современниками, или одобрением их. У Руссо мы находим вдохновенную проповедь республиканско-демократических идеалов XVIII века, страстный протест против лжи и лицемерия аристократии, против прогнившего феодально-бюрократического режима и неуклонное, искреннее стремление, приносить посильную пользу своему народу.

НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Литературную и общественную известность Руссо приобрел весьма своеобразно. Однажды летом 1749 года он шел на свидание к своему другу Дени Дидро, который в то время томился в заточении в Венсеннском замке, около Парижа. Читая дорогой газету «Вестник Франции», Руссо заметил небольшое объявление. Дижонская академия

предлагала премию за лучшее произведение, написанное на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?». Это объявление произвело на Руссо сильное впечатление.

В письме к Мальзербу от 12 января 1764 года он рассказывал: «...в моем уме как бы сразу сверкнул свет, все озаривший. Масса идей, ярких и живых, представилась мне вдруг с такой силой и в таком количестве, что смущение и трепет охватили мою душу. Я как бы опьянел от наплыва мысли и чувства. Сердце усиленно билось, сдавливая грудь, стесняя дыхание... Я опустился на траву, под деревом, у дороги и просидел здесь, охваченный таким волнением, что через полчаса, поднимаясь продолжать путь, я увидел весь перед моей одеждой смоченным слезами, бессознательно лившимися из глаз... Если бы я был в состоянии перенести на бумагу хоть четверть того, что я увидел, передумал и почувствовал под этим деревом, с какой ясностью я заставил бы всех понять противоречия нашего общественного строя, с какой бы силой я выставил все беды и неправды наших учреждений, с какой очевидностью и простотой дал бы почувствовать, что человек — по природе доброе и хорошее существо и что единственно его собственные учреждения делают его злым и дурным!»¹.

Из этих горячих, искренних слов видно, что тема, выдвинутая на конкурс Дижонской академией, внезапно всколыхнула ум и чувства Руссо. Охваченный благородным стремлением, он решил сказать людям о всех «бедах и неправдах», лишаящих их благоденствия и счастья, и возбудить в них желание противостоять укоренившимся порокам общества.

Диссертация на предложенную академией тему вскоре была написана и представлена на конкурс. Хотя доводы Руссо, по мнению жюри, были недостаточны, все же ясно было видно, что вопрос о судьбах наук и искусств повернут в новую плоскость. Дижонская академия присудила Руссо премию и в 1750 году выпустила диссертацию в свет.

Опираясь на древние авторитеты и исторические факты, Руссо писал в диссертации, что мыслителям никогда не удастся создать нечто великое, добродетельное до тех пор, пока политическая власть и просвещение будут отде-

¹ Руссо Ж. Ж. О влиянии наук на нравы, СПб., 1908, с. 3—4.

лены друг от друга, пока короли не откажутся от их давнего предубеждения, порожденного гордынею вельмож, что искусство править народами труднее, чем искусство просвещать и облагораживать их. «...Пусть первоклассные ученые получают при дворе почетный кров; пусть они получают там единственную достойную их награду: возможность содействовать своим влиянием счастьем народов, которых они научат мудрости; лишь тогда увидят люди, на что способны добродетель, наука и власть, возбуждаемые духом благородного соревнования и действующие в согласии на благо человеческому роду. Но до тех пор, пока, с одной стороны, будет только власть, а с другой — только знания и мудрость, ученые редко будут думать о великих вещах, государи будут совершать хорошие поступки еще реже, а народы будут все так же порочны, испорчены и несчастны»².

В «Рассуждении о науках и искусствах» Руссо развивал и такие мысли: людей надо просвещать не горами книг, не отвлеченными науками, а примерами добродетельной жизни. Сократ, этот справедливейший человек, если бы он вновь ожил среди нас, писал Руссо, то «продолжал бы презирать наши ненужные науки; он никак не способствовал бы приумножению той массы книг, которыми засыпают нас со всех сторон, и он оставил бы, как он это и сделал, в назидание своим ученикам и нашим внукам лишь свой пример и память о своих добродетелях...

Сначала Сократ в Афинах, за ним Катон Старший в Риме обрушились на этих коварных и хитрых греков, которые создавали соблазны для добродетели и ослабляли мужество своих сограждан. Но науки, искусства и диалектика все же восторжествовали: Рим переполнялся философами и ораторами; военная дисциплина оказалась в пренебрежении; к земледелию стали относиться с презрением; люди разделились на секты и забыли об общем отечестве. Вместо священных слов: свобода, бескорыстие, повиновение законам, появились имена: Эпикур, Зенон, Аркесилай. *С тех пор как среди нас начали появляться ученые, — говорили их собственные философы, — добродетельные люди сокрылись»*³.

Правда, лжеучения и пороки древнего мира, «соблазнявшие добродетель», по словам Руссо, не были тогда при-

² Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 29.

³ Там же, с. 17—18.

крыты всяческими благовидными и благожелательными соображениями. В наше время, подчеркивал он, напротив, все хвастают великодушием, человечностью, благородством, терпимостью. Но если бы Сократ жил в наше время, то хотя ему и «не пришлось бы выпить сок цикуты, но ему пришлось бы испытать нечто еще более горькое — отвратительные насмешки и презрение во сто раз хуже, чем смерть»⁴.

Противопоставляя своей эпохе — эпохе феодального гнета, сословных привилегий, лицемерия, бесчестных поступков — добродетель и простоту нравов первых веков, Руссо писал:

«Размышляя о нравах, нельзя не вспомнить с наслаждением картины простоты обычаев первобытных времен. Это — прекрасное побережье, украшенное руками одной только природы, к которому беспрестанно обращаются наши взоры и от которого отдаляешься столь неохотно. Когда люди были невинны и добродетельны, они хотели, чтобы боги были свидетелями их поступков, и они жили с богами под одной и тою же крышею; но вскоре, когда люди стали недобрыми, им наскучили эти неудобные свидетели и они удалили их в великолепные храмы. В конце концов они изгнали богов и оттуда, чтобы обосноваться в этих храмах самим, или, по меньшей мере, храмы богов уже перестали отличаться от домов людей. Это было пределом упадка нравов, и никогда пороки не заходили столь далеко, как в то время, когда их, так сказать, поддерживали мраморные колонны и когда они у входа во дворцы великих мира сего были запечатлены в коринфских капителях»⁵.

Руссо еще не высказал прямо и открыто мысль о том, что ответственность перед историей человечества за порчу нравов, за их упадок несут не все люди в равной мере. Но эта мысль, хотя еще не вполне отчетливо выраженная, уже содержится здесь. Руссо хорошо понимал, что ответственность за социальные пороки несут, в первую очередь, не простые люди, не хранители древних добрых обычаев и традиций, а «великие мира сего» — вельможи и сановники, которые, воздвигая великолепные дворцы с мраморными колоннами и коринфскими капителями у входа, ставили при этом на первый план не «общее благо», а свои жизненные удобства, свои собственные интересы.

⁴ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 18.

⁵ Там же, с. 23.

Руссо бросал резкие упреки и философам. Он говорил, что не только представители науки и искусства, но и философы оказались неспособными воспитывать справедливых, великодушных и добродетельных граждан. Он не без проники спрашивал: «Что содержат писания наиболее известных философов? Каковы уроки этих друзей мудрости?» — и отвечал на это: «Если их послушать, разве нельзя их принять за толпу шарлатанов, что кричат каждый свое на общественной площади: идите ко мне, только я один никогда не ошибаюсь? Один утверждает, что тел вообще нет в природе и что все есть мое представление о них; другой, что нет ни иного вещества, кроме материи, ни иного бога, кроме вселенной. Этот заявляет, что не существует ни добродетелей, ни пороков и что добро и зло в области нравственности — это выдумки; тот — что люди суть волки и могут со спокойной совестью пожирать друг друга. О, великие философы! — иронизировал Руссо. — Почему не оставляете вы для друзей и детей своих эти полезные уроки? Вы бы сразу были за них вознаграждены, и мы не боялись бы найти в ком-нибудь из наших друзей или детей одного из ваших приверженцев»⁶.

Вместе с тем Руссо стремился доказать, что и современная ему система школьного воспитания, все учебные заведения, распространяющие просвещение в народе, заняты, по существу, бесполезным делом. Вместо того чтобы прививать детям, юношеству любовь к отечеству, к их гражданским обязанностям, нравственное поведение в частной и общественной жизни, они, напротив, прививают страсть к наживе, к роскоши, высокомерию, унижение добродетелей, презрение к бедноте.

«С первых же лет нашей жизни безрассудное воспитание изощряет наш ум и извращает наши суждения, — с горечью писал Руссо. — Я вижу повсюду бесчисленные заведения, где с большими затратами воспитывают молодежь, чтобы научить ее всему, но только не выполнению ее обязанностей...

Наши сады украшены статуями, а наши галереи — картинами. Что же, по-вашему, изображают эти шедевры искусства, выставленные для всеобщего обозрения, — защитников отечества или еще более великих людей, кои обогатили его своими добродетелями? Нет. Эти картины изображают все заблуждения сердца и ума, заботливо

⁶ Там же, с. 27.

выбранные из древней мифологии и выставленные на обозрение нашим детям с их ранних лет, вне сомнения, для того, чтобы у них всегда были перед глазами примеры дурных поступков даже прежде, чем они выучатся читать»⁷.

И такого рода воспитание, рассуждал Руссо, ведет в конце концов к оскудению полезных дарований в обществе, к щедрым расточениям наград и похвал лишь за пустое остроумие, а не за добродетели и не за прекрасные деяния. «У нас,— писал Руссо,— есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, художники — у нас нет больше граждан; и если они еще и остались, рассеянные по нашим глухим деревням, то погибают там в бедности и пренебрежении. Таково положение, до которого они теперь низведены; вот какие чувства высказываем мы тем, кто дает нам хлеб, а нашим детям молоко»⁸.

И все же в этой первой диссертации Руссо еще излагал свои идеи, в общем, в лояльном духе, кое-где он даже прикрывал их комплиментами по адресу Людовика XIV и его преемника. «В то время как Правительство и Законы обеспечивают безопасность и благополучие объединившихся людей,— писал Руссо,— Науки, Литература и Искусства — менее деспотичные, но, быть может, более могущественные — покрывают гирляндами цветов железные цепи, коими опутаны эти люди; подавляют в них чувство той исконной свободы, для которой они, казалось бы, рождены; заставляют их любить свое рабское состояние...»⁹

Отчего происходят эти вопиющие злоупотребления? — спрашивал Руссо и вполне определенно отвечал: это происходит от противоестественного губительного неравенства, порожденного среди людей отличием талантов и унижением добродетелей.

Осуждая праздность, роскошь, развращенность нравов, Руссо объявил во всеуслышание, что с развитием цивилизации, с ростом наук и искусств человечество значительно ухудшило свой моральный облик и стало глубоко несчастным. «...Успехи наук и искусств ничего не прибавили к нашему истинному счастью,— утверждал он,— ...они испортили наши нравы...»¹⁰

Публикуя яркие критические возражения против уко-

⁷ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 24—26.

⁸ Там же, с. 26.

⁹ Там же, с. 12.

¹⁰ Там же, с. 28.

ренившихся общераспространенных предрассудков и заблуждений, царивших в современном ему обществе, Руссо вряд ли мог рассчитывать на благосклонное отношение к себе со стороны французской аристократии и «ученой публики». «...Ведь мне не позволено нападать на общераспространенные заблуждения, — писал он позже в „Рассуждении о происхождении неравенства“, — а ученая публика относится к предрассудкам своим со слишком большим уважением, чтобы сносить мои так называемые парадоксы»¹¹.

Излагая свои общественные взгляды, Руссо сознательно игнорировал многовековые успехи наук и искусств. Его так называемые парадоксы, безусловно, внушали читателю мысль, что в глубокой древности, в эпоху дикости человеческого рода, люди, ведшие животный образ жизни, были гораздо нравственнее и счастливее, чем их культурные потомки, живущие в условиях цивилизации. Цивилизация, утверждал он, не принесла народу ни благоденствия, ни счастья, а водворила лишь социальные пороки и бедствия. Подчеркивая порчу и упадок нравов и безрассудное стремление к роскоши и чрезмерному богатству как результат воздействия просвещения и науки, Руссо не выходил за пределы сомнительных рассуждений.

Подобные рассуждения, как это ни странно, не вызывали в ту пору ни гневных осуждений, ни всеобщих порицаний. Напротив, несмотря на бросающееся в глаза извращение подлинной истории прогресса наук и искусств, парадоксы Руссо, насыщенные демократической критикой феодально-абсолютистской идеологии, многочисленными ссылками на первые века, на древние добродетельные нравы и традиции, приковали взоры к Жан Жаку Руссо. О нем заговорили в литературных, научных кругах, в салонах и будуарах как о новом писателе, своеобразно и смело высказавшемся о судьбах наук и искусств в феодальной Франции.

Спрашивается, почему такая необыкновенная снисходительность и терпимость проявлены были к Руссо? Ответ надо искать в социально-политических условиях феодальной Франции XVIII века, точнее, в развивавшемся антагонизме между прогнившим старым порядком и широкими народными массами, ищущими выхода из своего угнетенного и несправедливого положения на путях антифеодальной революции.

¹¹ Там же, с. 105.